

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.В. ЛУНЕЕВА

10 октября похоронили академика В.Н. Кудрявцева. Его уход является для нас, юристов, и всей юридической науки большой потерей. Мне посчастливилось встретиться с Владимиром Николаевичем Кудрявцевым полвека тому назад, и с тех пор наши отношения не прекращались. Встреча с ним была моим криминологическим крещением. Она определила мою дальнейшую судьбу – я стал криминологом и его коллегой.

Владимир Николаевич был для меня настоящим учителем. Он не гладил меня по головке, не нянчился со мной... Его помощь была, скорее всего, интеллектуальной, да и интеллектуальная помощь очень часто может быть намного ценнее реальной. Как и когда мне послал его Бог, я писал в различных главах своей книжки «Зачем живу (жизненные и криминологические тернии)» (М., 2006). Используя эти материалы, хочу рассказать о нем, как человеке и ученом, как старшем и мудром коллеге.

* * *

В.Н. Кудрявцев родился 10 апреля 1923 г. в Москве. Его отец Николай Георгиевич, уроженец Рязанской области, ушел из жизни, когда Владимиру было 16 лет. Его мать – Мария Алексеевна, уроженка той же Рязанской области, умерла, когда Владимиру было 27 лет. Он вырос в интеллигентной семье. Оба его родителя были учителями, а все близкие – ученые. Супруга Евгения Николаевна – философ, сыновья: Юрий – юрист, Сергей – психолог. Юность Владимира Николаевича, как и большинства людей того поколения, вплетена в историю Великой Отечественной войны. Будучи призван в армию из института, он был направлен в Ташкентское военнопехотное училище, а затем находился в боевых частях, учился в Военно-юридической академии, а далее началась его долгая и плодотворная научная жизнь.

В 1952 г. В.Н. Кудрявцев защитил кандидатскую диссертацию, а в 1963 – докторскую. И с этого года он, уволившись из Вооруженных сил, стал заместителем, а затем директором Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Под его руководством возрождается отечественная криминология. В 1973 г. он становится директором Института госу-

дарства и права АН СССР, избирается членом-корреспондентом, а затем академиком АН СССР и ее вице-президентом по гуманитарным и общественным наукам. Им опубликовано около 600 научных работ¹.

Владимир Николаевич является отцом отечественной криминологии, юридической социологии, деликтологии, конфликтологии и юридической политологии. Его успешной и последовательной научной карьере может позавидовать белой завистью каждый. В нашей истории, пожалуй, не было такого примера. И совсем на днях на 85 году жизни он интенсивно работал над новыми оригинальными изданиями. Он издавал по две-три книги в год.

Владимир Николаевич Кудрявцев представляет собой целую эпоху в юридической науке. Под его редакцией и с его благословения вышли сотни книг. И вот с этим человеком в начале 1960-х годов, когда он был еще кандидатом юридических наук, меня свела судьба, что существенным образом предопределило мою жизнь и мои научные интересы.

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Вчера и сегодня. Рассказы. М., 2006; Владимир Николаевич Кудрявцев / Сост. И.Ф. Зенкевич. М., 1996 (Материалы к библиографии ученых).

* * *

Встретились мы с ним в необычных обстоятельствах. На втором курсе я, набравшись нахальства, по собственной инициативе подготовил в качестве курсовой работу «Причины преступности в СССР». Ни больше ни меньше. И хотя предмета криминологии в то время не было, кафедра уголовного права и процесса (начальником кафедры работал, ныне покойный, Н.В. Васильев) ее утвердила, попросив только убрать из названия «в СССР». Был бы другой, трусоватый, начальник, этого бы не произошло. Боязно. Я и сам бы сейчас за эту тему не взялся. Уж слишком она трудна, сложна и «недиссертательна». Но относительная молодость и детство, проведенное в «глубинке», требовали какой-то компенсации. Меня прикрепили в плане научного руководства к кандидату юридических наук, подполковнику юстиции В.Н. Кудрявцеву. Вот это и было моим криминологическим крещением. Встреча с В.Н. Кудрявцевым определила всю мою дальнейшую жизнь. Я никогда с ним внутренне не расставался. Я обращался к нему за помощью десятки раз. И, как правило, он мне ее оказывал в рамках своих возможностей.

В те годы (1957 г.) с легкой руки Н.С. Хрущева (он пришел к выводу, что у нас перепроизводство юристов) сократили Военно-юридическую академию, сделав из нее военно-юридический факультет ВПА, а в 1960 г. на основе этого факультета оставили лишь военно-юридическое отделение при общевойсковом факультете. Нас сократили до минимума. На втором курсе, где я учился в то время, оставили 25 человек, остальных перевели на заочное обучение. На других курсах слушателей было еще меньше. В связи с сокращением факультета В.Н. Кудрявцев перешел на должность заместителя (а затем и начальника) организационно-инспекторского отдела Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Я долго искал его со своим рукописным «манускриптом», поскольку он редко стал бывать на факультете, и мои поиски увенчались успехом. Однажды я застал его в читальном зале преподавателей. Я знал его с начала поступления в академию, но близко увидел впервые: высокий, стройный и внешне почти не эмоциональный. У него было вытянутое лицо в виде неравнобедренного треугольника с основанием вверх. Короче,

он уже тогда, будучи кандидатом наук, имел вид классического академика.

Он пробежал мой опус по диагонали (к слову сказать, потом, работая под его началом, я нередко внутренне обижался на него за кажущуюся небрежность к моим «гениальным мыслям», поскольку он все читал по диагонали. Только затем понял: он ничего нужного не пропускает при таком «диагональном» чтении). Работа у меня до сих пор жива. Сейчас думаю, что он с ужасом, видимо, осваивал мою стилистику и мою грамматику. Но по этому поводу ничего не сказал. В работе второкурсника трудно найти открытия. Непривычно было для того времени лишь само название темы «Причины преступности в СССР» и некоторые предположения и логические выводы. Одни из них: причины преступности глубже пережитков прошлого; в СССР есть свои причины преступности; социально-экономическое неравенство в СССР и преступность... Перелистав опус, он посмотрел на меня и предложил выступить на научном кружке с этой темой. Я выступил. Был спор. Но доклад мне засчитали за курсовую работу с оценкой «отлично».

Имея некоторые представления о математике после радиотехнического училища, я очень хотел познакомиться с реальной статистикой преступности или судимости в армии и на флоте. Так в начале марта 1962 г. родилось письмо от начальника кафедры военно-юридических дисциплин (в то время осталась одна кафедра на все военно-юридическое образование!) генерал-майора юстиции профессора И.Ф. Побежимова начальнику оргинспекторского отдела Военной коллегии Верховного Суда СССР полковнику юстиции А.А. Долотцеву, замом у которого был В.Н. Кудрявцев. В письме говорилось: «В связи с подготовкой капитаном Луневым научного доклада на тему «Условия ликвидации (!?) преступности в частях и соединениях Вооруженных Сил СССР» прошу Вас разрешить ему ознакомление с некоторыми материалами по данной теме. Капитан Лунев к секретной работе допущен». С этим письмом я пришел к В.Н. Кудрявцеву. Он дал мне некоторые подшивки и сказал: «Читай, но ничего не выписывай или заведи секретную тетрадь». Так я дорвался до некоторых криминологических армейских секретов. С тех пор «дружу» со статистикой.

Я подготовил доклад. Его пробежал В.Н. Кудрявцев и сказал: «Спорного много, но ничего, сойдет. Исследования могут быть всякие: хорошие и разные». Потом эту иронично закамouflированную сентенцию я от него слышал по отношению к некоторым книгам и другим научным работам. 23 марта 1962 г. я выступил на Военно-научной конференции слушателей Военно-политической академии им. Ленина с докладом «Пути искоренения преступности в частях и соединениях Советских Вооруженных Сил в свете решений XXII съезда КПСС». Газета ВПА «Ленинец» от 30 марта опубликовала мою фотографию с начальником общевойсковой факультета генерал-лейтенантом И.М. Пономаревым с такой пометой: «Начальник факультета генерал-лейтенант И.М. Пономарев знакомится с тезисами интересного доклада, который сделал на конференции капитан В. Лунеев». На первой полосе газеты отчет о конференции с главой «интересные доклады», где мой доклад был выделен особо. В качестве поощрения я получил настольные часы-будильник «с анодированным, почти позолоченным корпусом» за активное участие в работе научного кружка. Часы у меня до сих пор ходят и звенят, когда надо. Им скоро 50 лет. Это мой первый подарок за криминологию. Я сказал об этом Кудрявцеву. Он улыбнулся, заметив: «Ну вот, криминология начинает приносить пользу».

* * *

После окончания академии меня направили следователем в Военную прокуратуру Куйбышевского (ныне Самарского) гарнизона. Мой следственный «куст» были Сызрань, Чапаевск, некоторые части в Куйбышеве и еще множество более мелких мест, поэтому в течение года мне приходилось бывать в командировках и разъездах до 300 дней.

В ноябре 1963 г., будучи в командировке в Москве, я побывал на лекции В.Н. Кудрявцева, после лекции он пригласил меня посетить Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Генеральной прокуратуры СССР, где он работал заместителем директора. Учреждение это с момента его образования между собой называли институтом с длинным названием, или ВНИИ ПиПи. Владимир Николаевич любезно провел меня по институту, познакомил с некоторыми сотрудниками и

предложил прикрепиться к институту соискателем. Я представил необходимые документы, и 31 января 1964 г. родился приказ директора института И.И. Карпеца № 5: «... считать прикрепленным к институту в качестве соискателя для сдачи кандидатских экзаменов и подготовки диссертации... в сектор № 1 общей методики изучения и предупреждения преступности Лунеева В.В., военного следователя ВП Куйбышевского гарнизона с января 1964 г...». Сектором руководил А.А. Герцензон.

О прикреплении соискателем я в прокуратуре никому не сказал. У практиков отношение к науке было тогда прохладным. К сожалению, остается таковым и сейчас. Знал лишь прокурор Л.Т. Лукьянов и заместитель прокурора округа В.Ф. Синякин, поскольку они подписывали мою служебную характеристику и другие документы. Для них эти сведения не представляли никакого интереса, поэтому информация о моем соискательстве так и осталась тайной, что меня вполне устраивало, поскольку я собирался работать над диссертацией только за счет своего личного времени и отдыха. Если бы я поступил иначе, то стал бы среди своих коллег «персона non grata».

* * *

1966 год был для меня очень тяжелым. Я четыре года работал рядовым следователем. В те годы, наряду с сокращением войск, шло сокращение главных военных прокуратур военно-морского флота, МВД, железнодорожных войск. Военные юристы оказались действительно в излишке. Второе: я не запрашивался на повышение. Меня устраивала должность рядового военного следователя в Куйбышеве. И главная причина – диссертация, которую я должен был завершить на материалах ПриВО.

Но жизнь все решила за меня. Из ГВП мне с согласия прокурора округа П.И. Орлова было предложено несколько мест помощника и заместителя военного прокурора за пределами округа, в СибВО или ДВО. Я понимал, что мои мечты будут разрушены, и попросил прокурора оставить меня в Куйбышеве на прежней должности года на два и объяснил почему. «Какую диссертацию?» – возмутился Орлов. – Ты хорошо характеризуешься, четыре года работаешь рядовым следователем. Пора расти. А о диссертации

забудь. Все. Поедешь в Сибирь. В Куйбышеве у меня такой должности нет». И он сообщил в ГВП, что я якобы согласен пойти на повышение в Сибирский военный округ.

Все рушилось. Я попросил несколько дней отпуска и поехал в Москву. Первым делом я прибыл к В.Н. Кудрявцеву и попросил его помочь мне остаться в Куйбышеве на той же должности. Он пишет Главному военному прокурору А.Г. Горному письмо. Приведу фрагмент. *«Работа над диссертацией у тов. Лунеева идет успешно. Для завершения работы ему необходимо закончить проведение ряда социологических исследований, которые уже начаты на материалах ПриВО. Нам известно, что в настоящее время решается вопрос о его переводе с повышением на другое место службы. Учитывая, что тов. Лунеев В.В. проявил несомненные способности к научной работе, прошу Вас дать ему возможность закончить написание диссертации по месту его настоящей службы. Зам. директора Института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности профессор Кудрявцев В.Н.»*.

Главный военный прокурор Горный выслушал меня и тихо сказал: «Никто тебя не тронет». Я тут же дал жене телеграмму: «Сегодня был приеме Главного Оставлен месте Вылечу десятого Крепко целую Виктор». Мой поступок возмутил Орлова. Тем более, что они с Горным когда-то конкурировали на должность Главного военного прокурора. Победил Горный. И еще. Орлов в молодости писал кандидатскую диссертацию, но не завершил ее. Плюс другие причины: отпустили в Москву без его разрешения... Короче говоря, Орлов был вне себя. И он отомстил мне. Быстро, мерзко и мелко.

24 января 1967 г. Орлов издает приказ о переводе меня старшим военным следователем в военную прокуратуру Домбаровского гарнизона (пос. Ясный Оренбургской области), в самый загруженный и преступный гарнизон, не имеющий кадрового, материального и финансового обеспечения, и дает на сборы пять дней. Приказ он подписывал в моем присутствии в его квартире, видимо, для большего доказательства своей безграничной власти.

* * *

В Домбаровке работы было чрезвычайно много. И хотя я был уже на прокурорской должности, уголовные дела давили. 70 тысяч

военных строителей жили круглогодично в палатках и строили ракетные площадки стратегического назначения под лозунгом «Давай! Давай!». Преступления «текли рекой». В 1968 г. в командировке в Оренбурге, где я был с серьезным делом, меня свалил инфаркт. Но все обошлось. За всеми этими делами и до инфаркта, и после я не переставал заниматься диссертацией. Жизненного материала уже хватало, но у меня до сих пор не было научного руководителя. С последним вопросом я прямо обратился к В.Н. Кудрявцеву. Он не согласился быть моим научным руководителем. Причин не знаю. Скорее всего, не верил, что мне удастся завершить работу... Но это я только предполагаю.

Никакого творческого отпуска мне не дали, хотя я писал вплоть до Главного военного прокурора.

На просьбы о выделении мне научного руководителя Владимир Николаевич сообщил, что научным консультантом мне назначен Борис Алексеевич Викторов, заместитель Главного военного прокурора, кандидат наук, защитивший диссертацию по близкой мне теме «Мотивы и цели государственных преступлений». Назначение Викторова могло быть обусловлено и тем, что он, пользуясь своей властью замглавного, вытянет меня из домбаровской дыры. Но это я тоже только предполагаю. Случилось же непредвиденное. Викторова назначили заместителем министра внутренних дел по следствию. Он меня не знал, я его – тоже. В письме я поздравил его с назначением на высокий государственный пост и спросил, что при его загруженности, ему, видимо, будет трудно руководить мной. Он прислал мне письмо, в котором сообщал, что обещание свое выполнит. Просил приезжать и заходить.

Первый вариант диссертации в двух томах я переслал Викторovu в начале 1968 г. Он отослал ее в институт. Когда я приехал в Москву и встретился с ним, он сказал: «Я уже не помню, о чем ты там писал в диссертации, но хорошо помню, что мне она понравилась». Это было самой большой помощью мне со стороны научного руководителя и самой большой похвалой. И хотя на этом все его научное руководство практически завершилось, я очень благодарен Б.А. Викторovu за поддержку.

* * *

До защиты диссертации я наблюдал данную процедуру один раз в ВПА, когда защищался Д.А. Волкогонов по философии. На той защите был военный порядок. Поэтому я плохо представлял как вести себя на защите во ВНИИ ПиПи.

... Открылся Совет. Его вел В.Н. Кудрявцев, в то время уже ставший директором института.

Были вопросы... Я на них отвечал, по-моему, удачно. Но это по-моему. Последним задал вопрос В.Н. Кудрявцев. Когда он формулировал вопрос, я слушал и радовался тому, как хорошо могу ответить. Он закончил задавать вопрос, а я напрочь забыл, о чем он меня спрашивал. В голове пронеслось: сказать, что я не могу ответить... Позор. Сказать, что я забыл вопрос. Будет смех. Секунды летели, как «пули у виска». Я стоял, как столб. Вдруг, вроде, нахожусь: «Владимир Николаевич, я не совсем понял суть вопроса». Находка, не ахти какая, но она меня выручила. Он повторил вопрос, и я сходу на него ответил.

* * *

Когда в конце 80-х годов прошлого столетия, я пришел в сектор социологии уголовного права (так он тогда назывался), им руководил А.М. Яковлев.

Сектор занимался социологией уголовного права. А.М. Яковлев к этому времени успешно разрабатывал социологию уголовного права в теоретическом плане с широким использованием зарубежной, особенно американской литературы: «Социология экономической преступности» (1968); «Теория криминологии и социальная практика» (1985). Кроме того, в секторе была подготовлена очень хорошая, нужная социологическая книга «Основания уголовного запрета (криминализация и декриминализация)» (1982), но и она написана была без проведения каких либо социально-правовых исследований. Они лишь подразумевались. Широкую известность получила в те годы книга сугубо уголовного характера «Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования» (1987), подготовленная в секторе с участием ученых из разных научных и учебных заведений. Почти все эти книги издавались под редакцией В.Н. Кудрявцева и с его участием.

Более того, под его руководством увидели свет другие книги, подготовленные авторами со стороны (например, «Механизм преступного поведения», «Криминальная мотивация», «Эффективность правовых норм» и др.) и его книги: «Причины правонарушений»; «Правовое поведение: норма и патология»; «Закон, поступок, ответственность» и т. д. Все это свидетельствовало о том, что уголовное право, социология уголовного права и криминология в секторе и институте разрабатывались, но, как правило, в теоретическом плане. Я этого не понимал. Но Кудрявцев умел интегрировать реалии по отрывочным данным. Может быть, поэтому он не углублялся в глубокую статистику? Не знаю.

Юристы с советских времен, когда все фактические данные были за семью замками, не имели возможности и опыта системно работать со статистическим, социологическим и другим фактическим материалом. Главным инструментом научного анализа была и остается логика. Для юриспруденции в целом и для уголовного права в частности логический подход чрезвычайно важен. Но чисто логическое мышление не может принести знания эмпирического мира. Он познается в опыте на основе реальных фактов.

* * *

В 1983 г. Владимиру Николаевичу исполнилось 60 лет. Он в это время был директором Института государства и права АН СССР. Я служил на военно-юридическом факультете Военного института. Х.М. Ахметшин, Ф.С. Бражник и я пошли его поздравить. Я купил ему небольшой сувенир – картину по повести-сказке Лагина «Старик Хоттабыч» (джин, перенесенный из сказок Шахразады) и на обороте картины сделал надпись:

**Дорогому Владимиру Николаевичу
В день шестидесятилетия**

*Желаем звезд Вам мириады...
И к ним мы дарим от души
Из сказок мудрой Шахразады.
Потомка джинов на Руси.
Пусть Вам в делах он помогает,
Желанья Ваши исполняет,
Чертоги счастья охраняет
На долгом жизненном пути.*

1983 г., 10 апреля.

На одной из подобных встреч он со свойственным ему большим юмором рассказал, как его избирали в академики. Против него выступили некоторые генетики, упрекая его в том, что он отрицает влияние генетических особенностей человека на преступное поведение. Это было неправдой. В своей фундаментальной книге 1968 г. «Причинность в криминологии» он четко определяет влияние психологических и генетических особенностей человека на преступное поведение, полагая, что эти особенности, не являясь причиной преступности, оказывают существенное влияние на индивидуальное преступное поведение. По этому поводу выступил в то время член-корреспондент АН СССР (ныне академик) П.В. Симонов, директор Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии разъяснил генетикам их заблуждения в отношении научной позиции Кудрявцева.

Со слов Владимира Николаевича, его защитил президент Академии наук академик А.П. Александров, сказав, что Кудрявцев написал (ему подсказывают сзади сидящие в президиуме: Конституцию СССР) Конституцию СССР. Владимир Николаевич действительно участвовал в разработке Конституции СССР 1977 г.

* * *

Шел 1987 г. Перестройка была в разгаре, усилилось разрушение вооруженных сил и я стал подумывать об увольнении. К этому времени уволились те, которым было за 60. Я прослужил 36 с лишним лет и серьезно подумывал об увольнении в запас, хотя был моложе уволенных на 8–12 лет и мне было в то время 54 года. Тогда еще сохранялся негласный устоявшийся порядок, что профессора могли служить до тех пор, пока ноги таскают. И они служили до 60–65 и более лет. Меня приглашали в Институт прокуратуры, туда, где я был соискателем, но я вынашивал идею уйти в аналитическую службу, которые рождались, как грибы.

В сентябре 1987 г. я оказался в кабинете директора Института государства и права академика В.Н. Кудрявцева по какому-то частному случаю. И он предложил перейти к нему. Заручившись его поддержкой, я даже не поехал домой, не стал советоваться с супругой (которая явно бы меня отговорила, так как я терял в зарплате), а сразу направился

в Военный институт и написал рапорт об увольнении в запас.

Вживался в своеобразный Институт государства и права трудно. Однажды мы спустились с Владимиром Николаевичем со второго этажа по лестнице и он меня спросил, как я адаптируюсь. Я ответил: «Как трансплантат. Пришить пришили, а прирасти еще не сумел». Он улыбнулся в ответ. Но ему уже было не до института и не до меня. Он получил назначение вице-президентом РАН, был депутатом Верховного Совета СССР, советником президента, баллотировался в председатели Конституционного комитета и т. д.

* * *

В 1997 г. не без помощи Владимира Николаевича и с его предисловием вышла моя монография «Преступность XX века». Я преподнес ему книгу с такими словами:

*Шестидесятый. Стены ВПА.
Ваш путь определен: Per aspera ad astra!
Я Вас застал... С тех пор кричу «Ура!»,
Так я попал в кримино-логи-касту.
Вы были повитухой многих книг,
Учебников, пособий, монографий.
Вы слышали их первородный крик
И не чертали скорбных эпитафий.
Их жизнь расставит по местам сама:
Одни – на пьедестал, одни – молоху,
Но, не колеблясь, назовет она,
Те горы книг – «ВК-Эпохой»
Я счастлив, что приписан жизнью к ней
И благодарен за поддержку ей...*

1998 г. 3 февраля

Время шло Владимиру Николаевичу исполнилось 75 лет. В Институте государства и права ему был посвящен капустник. Мне тоже дали слово:

*Вы родились в Москве
в двадцать третьем году
Ваши корни в рязанских селениях.
Где березовый ситец на каждом шагу,
Что воспел в своих виршах Есенин.
Ныне трудно судить, как сложился бы путь
Молодого московского школьника.
Если б землю отцов – многострадную Русь
Не постигла безумная хроника.
Революция, нэп, сталинизм и война
Молотили народ до потери дыхания.
Вы в шестнадцать годков потеряли отца,
Но у Вас не угасли стремления к знаниям.*

*Вы студент металлург, пехотинец-курсант,
Командир минометного взвода в горах.
Вы из пламя войны совершили десант
В юридический вуз, сокращенно ВЮА.*

*Золотая медаль, адъюнктура, успех,
Чтение лекций и книг написание...*

*Вы стремительно шли к своим звездам,
Наверх, получив мировое признание.*

*Есть эпоха ВК и есть школа ВК,
Есть фундамент наук юридических,
В становлении которого так велика
Ваша участь и Ваше отличие.*

*Я желаю здоровья Вам, новых побед,
Прочу Вам от души долголетия,
Чтоб Вы счастливо жили еще столько ж лет
В новом тысячелетии...*

10 апреля 1998 г.

* * *

Владимир Николаевич не был моим формальным учителем, научным руководителем или научным консультантом, он был моим фактическим учителем со слушательских времен. При этом шел своим не совсем ровным путем, но при опоре на его научные достижения. Презентуя ему второе, серьезно переработанное издание книги «Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции» (2005), первому изданию (1997) которой он дал свою путевку в виде краткого и емкого предисловия, я писал: «Дорогому Владимиру Николаевичу Кудрявцеву от давнего неформального, но фактического ученика, со своими завихрениями». Он открыл книгу и, прочитав о моих «завихрениях», улыбнулся. О них я упомянул не случайно. Я давно и хорошо осознаю, что далеко не все, что я пишу, он мог бы однозначно одобрить.

Мы с ним разные люди. Он – спокойного, рационального темперамента. Его книги написаны точным, сдержанным, академическим языком. Они всегда имеют логическую завершенность. Он не расплывается в деталях, чем страдаю я. Его подходы имели глубоко интегрированный и структурированный характер. Он обладал редкой способностью на основе получаемой множественной информации делать новые оригинальные выводы. А именно это и является сутью истинного ученого.

Кудрявцев склонен не только к интегративному мышлению, но и к краткости и точности выражения. Однажды мы с ним

говорили о некотором сокращении какой-то работы, которую я передал ему на редактирование. Он сказал: «Это я сделаю, я умею сокращать». И сократил, по-моему, до неузнаваемости авторского текста, хотя все идеи остались.

Читая рукописи «по диагонали», он умел ухватить суть проблемы. Другие ее легче осознают через эмоциональную компоненту. Но он этого, по-моему, не признавал. Работы других авторов он использовал, но, скорее всего, для обобщений более высокого уровня и иллюстрации. Приводя некоторые суждения других авторов, он развивал их в продуктивном и перспективном направлении. Мне приходилось с ним писать в соавторстве некоторые работы и было трудно встроиться в его академический, спокойный и уравновешенный стиль.

Кудрявцев обладал способностью писать сразу и набело. Таких мало найдется среди ученых-юристов. И найдется ли вообще. Переиздавая свои книги, он редко дорабатывал или перерабатывал их. Сокращению и некоторому обновлению подверглись его работы лишь в трехтомнике избранных трудов. Особое место в этом занимает книга «Стратегии борьбы с преступностью», второе издание которой, вышедшее год спустя после первого, было существенно дополнено и доработано. А о его способности «писать сразу и набело» может свидетельствовать следующий случай.

Я слышал, что рижский профессор М.И. Блюм была очень удивлена, когда В.Н. Кудрявцев, будучи у нее в гостях, за время, пока она готовила стол для гостя, написал большую статью, которую она просила у него, рассчитывая получить ее как-нибудь потом. Такие способности являются редкостью. С этим гармонировала его отличная память. Он мне обмолвился о своей «творческой кухне»: «Я пишу так: вначале обдумываю идею, потом составляю возможный план и его придерживаюсь, где-то изменяя по мере необходимости».

Эта же метода просматривалась и в его устных выступлениях. Они всегда хорошо структурированы. В начале выступления он называл проблемы, на которых хотел остановиться, а потом последовательно их раскрывал. Владимир Николаевич обоснованно советовал мне во время выступления выдвигать

одну-две или максимум три проблемы, а затем их раскрывать. Большое количество проблем люди на слух не усваивают и их можно лишь декларировать, а декларации не всегда убеждают.

Мою книгу «Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции» (второе, переработанное и дополненное издание 2005 г.) я передал Владимиру Николаевичу, когда тот лежал в больнице. Он предложил мне сократить книгу. Я его совет не выполнил. Не знаю, кто прав. Правда, на этой же встрече, когда я передавал ему книгу, он согласился с мнением, что начинающий криминолог, если захочет знать объективные тенденции преступности прошлого и начала текущего столетия, вынужден будет эту книгу хотя бы перелистать. Таких книг, в которых бы системно рассматривалась преступность по миру в целом и отдельным странам за целое столетие, к сожалению, больше нет. И очень мало найдется современных криминологов, которые бы около 15 лет по крупицам собирали и систематизировали данные о преступности в разных странах. Сам он большие по объему книги не писал, хотя за время своей научной деятельности опубликовал около 600 работ. В 2002 г. он издал трехтомник «Избранные труды по социальным наукам» общим объемом почти полторы тысячи страниц.

* * *

Владимир Николаевич всегда был доступным. Он не имел начальственных замашек. Единственное ограничение – это его режим. Он ложился спать в 22.00, и звонить после этого времени было недопустимо. Со слов его супруги Евгении Николаевны я также знал, что в 14.00 он обедает, а затем немного отдыхает. Прежде чем поехать к нему в больницу, я посоветовался с ней. Он чувствовал себя неплохо и готовился к выписке. И это давало возможность побеседовать с ним не только формально. Данная встреча, пожалуй, была единственная, когда мы говорили не только и не столько о науке. Кроме книги, я ему дал некоторые черновые отрывки своих воспоминаний, которые он прочитал позже и по телефону высказал свое мнение.

В больнице же я его спросил, не думает ли он о написании своих воспоминаний. Они были бы крайне нужны, особенно для кри-

минологов, так как он является отцом отечественной криминологии, предопределившим ее продуктивное развитие в самом начале ее второго рождения – во второй половине 60-х годов истекшего века. Он поправил: дедушкой. А о написании своих возможных воспоминаний ответил категорически: нет. Он сказал, что не вел дневников, как я, многое не помнит и не видит в этом большой нужды. Но признался, что написал десять рассказов. Они вышли под заголовком «Вчера и сегодня. Рассказы» (М., 2006) в издательстве «Наука-Пресс». Некоторые из них биографичны. В основе рассказов лежат, как правило, реальные события. В первом рассказе – «Выстрел» – он использовал случай, который расследовал в качестве военного дознавателя, когда служил в наших войсках в Иране во время войны, и который предопределил рекомендацию командования для его поступления в Военно-юридическую академию. Последний рассказ – любовный. Суть его он не раскрыл. Он давал читать свои рассказы некоторым коллегам, и они положительно оценили его художественные способности.

После этого я решился и спросил, как он смотрит на то, если я напишу о нем книгу. Он ответил, что об ученом надо писать через призму динамики его работ, идей и мыслей, а не хронику: там-то встретились, там-то что-то говорили и т. д. Он почти угадал то, что я набросал в черновиках, которые он еще не смотрел и в которых доминировала именно хроника, хотя она не менее важна. «А в отношении книг, идей, мыслей, – заметил я, – вот опорные пункты: Вы шли от уголовного права, Ваша кандидатская диссертация – о причинной связи в уголовном праве, потом на этой основе в Юриздате вышла Ваша книга «Объективная сторона преступления». В начале 60-х годов Вы защитили докторскую диссертацию «Общая теория квалификации преступлений», которая неоднократно переиздавалась и равной ей пока нет. В 1968 г. вышла Ваша книга «Причинность в криминологии», которая предопределила развитие криминологии, хотя она и невелика по объему. Перейдя в Институт государства и права, Вы эволюционировали в теорию права, деликтологию, конфликтологию и политологию...».

Он перебил меня, сказав, что динамика заключается в другом, и что он критически

оценивает некоторые свои работы: «Я считаю, что написал четыре оригинальные книги: первая «Общая теория квалификации преступлений», которая нужна была для практики; вторая – «Причинность в криминологии». В ней впервые и в последующих более чем 60 книгах этой проблематики я заложил основы отечественной криминологии. Она была переведена в других странах; третья – «Политическая юстиция в СССР», где анализируется репрессивная сторона тоталитаризма; четвертая – «Стратегии борьбы с преступностью», второе дополненное и переработанное издание, в котором обобщен мировой и исторический опыт борьбы с преступностью». В других работах, по его словам, были повторы. Они якобы проходные...

По-моему, в этот раз он был слишком самкритичен и требователен к себе.

Юристы правомерно считают В.Н. Кудрявцева главным криминологом страны. И это действительно так. По этой проблематике он опубликовал несколько десятков книг, не говоря уже о статьях. Об этом свидетельствует и трехтомник его трудов. Однако его научная деятельность выходит далеко за рамки только криминологических и уголовно-правовых интересов. Свой трехтомник он назвал «Избранные труды по социальным наукам», хотя в нем на 90 с лишним процентов доминируют уголовное право, криминология, юриспруденция. Однажды на президиуме РАН он выступал с докладом «Нравы переходного периода», а потом вышла его книга с аналогичным названием и большая статья в «Вестнике РАН».

Доклад был продолжительным. Докладчик высказывался убедительно и аргументированно, но за время доклада ни разу не обратился к криминологическим, уголовно-правовым и юридическим исследованиям. Он цитировал социологов, психологов, политологов и философов, но только не юристов, хотя те кое-что сделали в изучении деликтотенных и криминогенных нравов, в том числе и под его руководством. Я был этим поражен и сделал вывод, что он позиционирует себя в РАН только как специалист по социальным наукам. Конечно, должность обязывала. Владимир Николаевич был вице-президентом РАН по этим наукам. Но криминология и уголовное право, где он был первым (или од-

ним из первых), тоже науки социальные. Но подобное позиционирование можно оценить и по-другому: он постоянно эволюционировал в направлении более широких и глубоких представлений о человеческом поведении и человеческом обществе. Тем не менее, книга, которую он издал на основе этого доклада, была названа «Преступность и нравы переходного общества».

Почти три часа нашей беседы несколько утомили Владимира Николаевича. Ему принесли ужин, и он дал мне понять, что беседа окончена, но проводил меня до лифта, где мы тепло расстались. Мои отрывки из воспоминаний ему не понравились. Ну что делать? Ответ один: мы разные люди. Он академичен и рационален. Я его почти никогда не видел эмоционально заряженным. Нет, один раз на международной конференции Всемирного антикриминального и антитеррористического форума в Москве в октябре 2001 г., где обсуждалась проблема глобализации преступности и терроризма, он выступал с большим эмоциональным накалом: стройно, логично, без бумажки и очень эмоционально. Я тогда был восхищен его выступлением. Больше я его таким, пожалуй, не видел, хотя слушал десятки раз. Его выступление опубликовано. А поскольку оно готовилось на основе записи, то эмоциональность проглядывает и в публикации.

Я неоднократно пытался апеллировать к его эмоциям. Не удалось. Он во всем степенен, спокоен, логичен и рассудителен. Одним словом, академик...

* * *

Не могу обойти проблему об исключении из перечня уголовных наказаний конфискации имущества. Я, системно отслеживающий состояние преступности и борьбу с ней в России и мире, был тогда ошарашен. В.Н. Кудрявцев тоже был в недоумении. Пока закон не был принят, активизировалась юридическая общественность. Три действительных члена РАН во главе с академиком В.Н. Кудрявцевым, один член-корреспондент РАН и мы 12 профессоров направили письмо Президенту Российской Федерации В.В. Путину, Председателю Совета Федерации С.М. Миронову и Председателю Государственной Думы Г.Н. Селезневу с просьбой отклонить указанное положение законопроекта.

Ответов не получили. 19 ноября 2003 г. «Российская газета» опубликовала интервью с В.Н. Кудрявцевым. Во вступлении говорилось: «В редакцию «РГ» поступило письмо от группы юристов... Они категорически возмущены включением в текст проекта нормы, снимающей конфискацию как меру наказания, и даже вынуждены были обратиться с соответствующим письмом к Президенту». В своем интервью В.Н. Кудрявцев дал четкую оценку недопустимости исключения конфискации и показал негативные последствия этого. Но 8 декабря 2003 г. на закате деятельности старой Думы закон был принят сразу в трех чтениях и вступил в силу. Все потуги юридической общественности и общественного мнения видных специалистов России оказались тщетными.

В мае 2004 г. закон был прислан и в Институт государства и права, и наш сектор уголовного права и криминологии дал свое заключение Комитету по безопасности Государственной Думы о законе в целом, в том числе выразил и отрицательное отношение на исключение из Уголовного Кодекса Российской Федерации конфискации имущества. Через некоторое время при этом комитете была создана рабочая группа из 15 докторов и профессоров (во главе с депутатом А.И. Гуровым) по выработке предложений по совершенствованию уголовного законодательства. Мы внесли свои предложения, в том числе и проект восстановления конфискации как меры уголовного наказания. Предложения в комитете как-то обобщили, и на этом работа группы фактически завершилась.

Согласно проходящему проекту конфискация – не мера уголовного наказания, а иная мера уголовно-правового характера, применяемая судом к виновному. Она не вносится в санкции статей и может быть применена к любому виновному. Большинство коллег, с которыми мы отстаивали этот институт, поддержали проект. Мы тоже представили положительный отзыв с некоторыми пожеланиями и полагали, что не напрасно положили столько времени и сил. Но, увы! Нас обманули. Если в нашем проекте конфискация распространялась на совершение тяжких и особо тяжких преступлений корыстной направленности, то в принятой норме был дан перечень статей, при квалификации которых

применима конфискация, но там отсутствовали многие статьи о преступлениях против собственности, преступлений в экономической сфере, должностных корыстных преступлениях и т. д. В.Н. Кудрявцев был очень недоволен. Он прилагал максимум усилий изменить такое положение.

* * *

В последние три года Владимир Николаевич часто болел. В основном подводило сердце, но он продолжал писать. В последние годы его жизни вышли книги: «Государство и права человека», «Социальные причины организованной преступности в России», «Стратегия борьбы с преступностью» (второе доработанное и дополненное издание), «Борьба мотивов в преступном поведении», «Причины преступности в России», «Свобода слова» и книга рассказов «Вчера и сегодня». До своей кончины он сдал в издательство «Наука» последнюю и очень важную книгу «Равноправие и равенство» – о правах человека и социальной справедливости, которую уже не увидел.

Доктор юридических наук профессор заслуженный деятель науки лауреат Государственной премии СССР В.Н. Кудрявцев за свои научные труды и организаторскую работу по развитию юридической и социальной науки в стране был награжден орденом Ленина, орденом Октябрьской революции, двумя орденами Почета, орденом «За заслуги перед Отечеством», зарубежными наградами, юридической премией «Фемиды», Демидовской премией РАН и премией «Триумф», а также премией РАН имени М. Ковалевского по социологии. Его научные заслуги признаны в других странах. Он являлся членом пяти зарубежных академий наук (КНР, Болгарии, Финляндии, Украины и Таджикистана).

* * *

В последние дни Владимир Николаевич находился в ЦКБ. Чувствовал себя терпимо. Мы разговаривали с ним по телефону. 3 октября он позвонил мне и несколько усталым голосом сказал: «Я чувствую себя лучше. Меня выписывают. Звони мне домой, так как на дачу я уже не поеду. Холодно. Ты знаешь, – продолжил он, – мне советуют пить красное сухое вино. Оно якобы хорошо влияет на сердечную деятельность». Я

подтвердил, что тоже это практикую, только нерегулярно. Мы с ним поговорили еще немного на эту тему и расстались. Это был последний наш разговор.

10 октября в старом здании Президиума РАН (Ленинский проспект, 14) в 11 часов состоялась гражданская панихида. Присутствовало огромное число людей, пришедших проститься с Владимиром Николаевичем Кудрявцевым. Гора цветов. Вел это траурное собрание его последователь вице-президент РАН по общественным наукам академик экономист А.Д. Некипелов. Свои соболезнования выразили человек двадцать. Говорили о нем академики, члены-корреспонденты, профессора с высочайшим почтением стихами и прозой. Мне тоже предложили выступить.

Я сказал:

– Дорогой Владимир Николаевич! 50 лет тому назад судьба свела меня с Вами. И Вы предопределили всю мою жизнь. С тех пор я с Вами никогда внутренне не расставался. Здесь некоторые говорили стихами. Я Вам много писал юбилейных версификаций. Сейчас читаю последнюю.

*Нередко говорят: незаменимых нет!
И это правда, если взгляд формальный.
Но каждый уходящий на тот свет
Уносит и свой образ уникальный.*

*Ушел Кудрявцев – уникал страны.
Его талант был выше его роста
Он в том ряду, где лучшие сыны,
Чью честь не обесславила короста.*

*Он был отцом не солнечных наук,
Но жизнь без них история не знала,
Он отдал жизнь за уменьшение мук
От жадного и злого криминала.*

*Задача наша честно продолжать
Его стратегии, идеи и сомненья...
Мы постараемся и будем умножать
Криминологии российской достиженья.*

Обращаюсь к руководству РАН с просьбой учредить медаль «Владимира Николаевича Кудрявцева по криминологии и социологии права». Эти проблемы ныне в исследовательском плане очень актуальны, а в социальном – чрезвычайно остры.

Не теряю надежды написать о Владимире Николаевиче книгу, если у меня хватит сил и способностей для написания ее, достойной этого человека.

Прощай, дорогой Владимир Николаевич!